

АРХЕТИПЫ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ханс Гюнтер

1. Становление советских архетипов

Литература советской эпохи отличается ярко выраженной мифологичностью и со временем все более превращается в «официальный резервуар государственных мифов»¹. При этом мифологизации подлежат не только литература и другие виды искусства, но и вся советская культура, включая и господствующую идеологию.

Поскольку оживление архаических представлений занимает столь важное место, нам кажется, что с помощью теории архетипов К. Г. Юнга, которая связывает содержание личной психики с коллективным бессознательным², можно осветить некоторые основные черты советской культуры. Среди действующих персонажей советского мифа главную роль играют архетипы героя, отца (мудрого старца), матери и врага³. Материалом для нашего анализа служат, кроме литературы, публицистика, кино, изобразительные искусства, архитектура и советская массовая песня 1930-х годов.

Становление советской мифологии можно описать как процесс актуализации определенных архетипов. Революционный период 1920-х годов характеризуется доминантой героического мифа. Как и во всех утопических движениях, здесь преобладает идеал эгалитарной братской героики. Однако «горизонтальность» советской культуры постепенно уступает место иерархической структуре⁴. Катастрофическое крушение братского эгалитаризма описано с непревзойденной убедительностью в романе А. Платонова «Чевенгур» (1926—1929)⁵, в котором мотив всеобщего сиротства символизирует безысходное положение «безотцовщины».

На этом фоне становится понятным выделение из ряда равноправных братьев фигуры «старшего брата», а потом и «отца», обладающего мудростью и авторитетом, чтобы управлять «осиротевшим» народом. Этот образ «всплывает» уже в 1920-е годы в культе мертвого Ленина⁶, но «отцом» в архетипическом смысле слова является только Сталин, узурпировавший соответствующие черты из русского прошлого.

Из хаоса коллективизации в качестве стабилизирующего фактора рождается советский вариант архетипа матери, который связан с поворотом к «народу» и «Родине». Около 1934 г. с канонизацией народности⁷ появляется в общественной психике нечто качественно новое — женственное, материнское начало, восходящее к архаическим представлениям крестьянской России⁸. Таким образом, к середине 1930-х годов в глубинной структуре советской культуры формируется полный треугольник Большой семьи⁹, включающей «отца», «Родину-мать» и героических «сыновей и дочерей». Наконец, стоит упомянуть и об архетипе врага, воплощающего постоянную угрозу для Большой семьи. Начиная с конца 1920-х годов его демонический образ сопровождает нарастающий культ «мудрого отца» и «Родины».